

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ —
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Тангутоведение

Тангутоведение — изучение письменности, языка, истории и культуры тангутов Ся, — народа, создавшего в 982—1227 гг. в самом центре Азии довольно могущественное государство Великое (Да) или Западное (Си) Ся с самобытной культурой, — сравнительно молодая отрасль востоковедения. Важную роль в ее развитии и становлении сыграла русская наука.

Н. Я. Бичурин первым очень подробно ознакомил европейскую науку с китайскими сведениями о тангутском государстве¹. Его переводы не утратили научной ценности и по сей день, хотя, конечно, пользоваться ими нужно с учетом развития китаеведческой науки за последние сто лет.

Подлинная история тангутоведения в Азиатском музее — ЛО Института востоковедения началась с того времени, когда ценнейшая библиотека книг на тангутском и китайском языках была привезена в Петербург в помещение РГО. Это произошло в 1908 г.

19 марта 1908 г. отряд экспедиции РГО, возглавляемый уже тогда прославленным путешественником П. К. Козловым, вступил в мертвый город Хара-Хото, расположенный неподалеку от одного из протоков устья реки Эдзин-гол, город, который семь веков назад был одним из двенадцати военно-административных центров тангутского государства. Уже первые находки в Хара-Хото, присланные в Петербург, свидетельствовали об их исключительной научной ценности и о необходимости продолжения исследований. Козлову было предложено весной 1909 г. вновь посетить Хара-Хото и произвести тщательное обследование мертвого города. 30 мая 1909 г. были начаты раскопки субургана, стоявшего метрах в четырехстах от западной стены города. Вот как позднее сам П. К. Козлов описывал, что увидели путешественники, когда они сняли вершину субургана: «Он оказался весь на-

¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), История Тибета и Хухунора, СПб., 1833.

битый сокровищами. Едва сняли его верхушку, как открылись книги, стоящие целыми сотнями на полках, в полном порядке, в шелковых переплетках (более 2 тыс. книг). Откопали множество разноцветных образов на полотне и шелке, расписанных красной, голубой и золотой краской. Попадались бронзовые статуэтки. И не перечить всего, что дал знаменитый субурган»².

Честь первого разбора этих памятников выпала на долю А. И. Иванова и В. Л. Котвича.

Профессору А. И. Иванову принадлежит несомненная и видная заслуга в разборе и первой систематизации материалов Тангутского фонда. По-видимому, самым ранним и важнейшим результатом его работы были находки, определение и описание тангутско-китайского (и практически одновременно китайско-тангутского) словаря «Жемчужина в руке»³. Правда, А. И. Иванов допустил ошибку в чтении китайских бинотинных транскрипций словаря и ввел в заблуждение Б. Лауфера, сделавшего на материале публикации А. И. Иванова некоторые неточные выводы, но важно другое — неизученные тангутское письмо и язык получили реальную основу для их дешифровки. Иванов ознакомил с фотокопиями словаря ученых Китая, и один из них, Ло Фу-чан, в 1914 г. дал первое описание языка и письменности тангутов, сохранившее ценность и в наши дни.

Поступившие в АМ тангутские рукописи и ксилографы первоначально были разобраны по форматам и в большинстве своем проштампованы печатью АМ, а затем зашифрованы. При шифровке, по-видимому, за исходный признак был взят способ брошюровки и размеры книги: книги-бабочки, книги-гармоники, книги-свитки и т. п. Был ли одновременно составлен инвентарь фонда — неизвестно, а поскольку шифровка производилась без определения и записи рукописи в инвентарь, она практически оказалась бесполезной. Многие книги сильно пострадали от времени и при перевозке, большинство оказались разрозненными на несколько частей, и поэтому произвести унификацию фонда и его полную первичную обработку без знания языка было невозможно.

А. И. Иванов, перегруженный многими другими делами, все-таки пытался решить эту задачу — создать словарь тангутской письменности, позволяющий если не читать рукописи, то хотя бы разбираться в них. В 1916 г. он выпустил очень нужную для составления словаря работу⁴, в которой тангутский текст был снабжен параллельным китайским «переводом»

² АГО, ф. 18, оп. 1, № 65.

³ А. И. Иванов, Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache, — ИИАН, сер. VI, т. III, 1909, стр. 1221—1233.

⁴ Сутра «Восхождение Майтрейи на небо Тушита», тангутский текст издал и китайским переводом снабдил А. И. Иванов, Пг., 1916.

дом», точнее, подстановкой к каждому знаку тангутского текста соответствующего ему знака из китайского оригинала, с которого был сделан перевод. Иванов прекрасно понимал, что для составления словаря нужно сличение китайских и тангутских текстов одинакового содержания, и начал осуществлять такую работу. Публикация Иванова предвосхитила вышедшее через 16 лет многотомное издание Ван Цзинжу аналогичного содержания. Из этой публикации Иванова можно сделать и другой вывод: он самостоятельно и первым определил целый ряд тангутских памятников. Позднее он сообщил об этом в одной из своих статей ⁵.

Большой заслугой Иванова было и то, что он нашел, определил и кратко описал тангутские толковые словари «Море письмен», «Море письмен, смешанные категории» и «Гомофоны». Благодаря его заботам, последний словарь был скопирован Ло Фу-чаном и опубликован в Китае. К 1918 г. Иванов делает еще один существенный шаг вперед — он составляет «Словарь тангутского письма», который в 1918 г. был «уже близок к завершению» ⁶. Готовая к опубликованию рукопись словаря, к сожалению, не была издана. Но и без этого имя Иванова навсегда вошло во все обзоры тангутоведения. Он был первым ученым, работавшим над Тангутским фондом, он не только определил многие его ценные памятники, но и познакомил с ними мировую науку, немало сделал для того, чтобы появившееся на свет тангутоведение продолжало развиваться.

Надо сказать, что сотрудники АМ АН понимали значение Тангутского фонда (в 1920 г. В. М. Алфксеев писал, что он «имеет исключительное и мировое значение» ⁷) и пытались найти энтузиастов, готовых для «езды в незнаемое». Поэтому в то время, когда все 20-е годы А. И. Иванов был занят на дипломатической службе в Пекине, к работе над Тангутским фондом пытались привлечь молодого лингвиста А. А. Драгунова. Работа с фондом никогда не была для Драгунова основной, но он занимался ею в разные годы своей жизни и сделал немало. Итогом его деятельности были список определенных им произведений коллекции (41 наименование) ⁸ и ценное исследование о биноминарной транскрипции в тангутско-китайском словаре ⁹. Статья Драгунова, одного из крупнейших лингвистов своего времени, до

⁵ А. И. Иванов, Памятники тангутского письма, — ИРАН, 1918, № 8, стр. 799—800.

⁶ Там же, стр. 800.

⁷ Аз. Муз. Памятка, стр. 64.

⁸ А. А. Драгунов, A Catalogue of Hsi-Hsia (Tangut) Works in the Asiatic Museum of Academy of Sciences, Leningrad, — «Bulletin of the National Library of Peiping», 1930, vol. 4, № 3, стр. 367—368.

⁹ А. Драгунов, Binoms of Type [...] in the Tangut-Chinese Dictionary, ДАН-В, 1929, стр. 145—148.

сих пор остается ценным пособием для реконструкции тангутского языка.

Второй этап работы Драгунова с тангутскими рукописями и ксилографами был связан с инвентаризацией фонда. Эту работу Драгунов продолжал вплоть до переезда в Москву вместе с ИВ в 1951 г. Драгуновым записано 2720 единиц хранения (№ 956—3675). Им была проделана большая и нужная работа, но можно только сожалеть, что такой лингвист, как Драгунов, не занялся реконструкцией тангутского языка.

С 1925 по 1929 г. разборкой тангутских книг по форматам занимался К. К. Флуг. Однако подлинный переворот не только в советском, но и мировом тангутоведении был сделан Н. А. Невским. Та работа, которую он проделал, могла быть выполнена только в Ленинграде, так как именно здесь хранилось уникальное собрание памятников тангутской письменности. Коллекции Британского музея, Пекинской библиотеки и Библиотеки Тэнри (Япония) не могли идти ни в какое сравнение с ленинградской, более того, они требовали большой подготовительной работы, которая могла быть проделана только в Ленинграде.

Действительно, для того чтобы начать читать тангутские тексты, нужен был словарь, а его проще и удобнее было составить на материалах «Жемчужины в руке» и тангутских словарей «Гомофоны», «Море письмен», «Море письмен, смешанные категории» и путем чтения текстов, переведенных на тангутский с китайского, не только буддийских, но и таких, как переводы китайских классических книг, китайских военных трактатов, наконец, путем чтения оригинальных тангутских сочинений.

Н. А. Невский, еще будучи в Японии, куда он был послан Петербургским университетом в научную командировку в 1915 г., в середине 20-х годов заинтересовался вопросами тангутоведения. Летом 1925 г. он посетил Пекин, где встретился со своим бывшим университетским учителем А. И. Ивановым. Иванов охотно поделился с Невским теми материалами, которыми он располагал. В итоге работы над ними появились первые труды Невского по тангутоведению: «О тангутских словарях»¹⁰ и «Краткое руководство к тангутским иероглифам с тибетской транскрипцией»¹¹. Тесные личные связи Невского с его учителем акад. В. М. Алексеевым и акад. С. Ф. Ольденбургом позволили ему получать нужные для работы материалы из коллекции АМ, но не могли заменить непосредственной возможности каждый день работать над тангутскими рукописями. Такая возможность

¹⁰ В кн.: Н. А. Невский, Тангутская филология, кн. I, М., 1960, стр. 95—106.

¹¹ N. Nevsky, A Brief Manual of Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions, — «Research Review of the Osaka Asiatic Society», 1926, № 4.

представилась, когда в 1929 г. Невский наконец смог вернуться на родину. 29 декабря 1929 г. он выступил на очередном заседании Коллегии востоковедов с докладом «Обзор изучения тангутского (Си Ся) языка и письменности»¹².

С приездом Н. А. Невского можно было начать широкое и углубленное исследование коллекции, и поэтому вопрос об организации изучения Тангутского фонда АМ стал предметом рассмотрения майской сессии АН СССР 1930 г. В своем докладе на этой сессии акад. В. М. Алексеев говорил: «Наш долг перед мировой наукой требует, чтобы мы создали, как давно не производили, нечто полезное для мировой науки — во всех странах интересуются тангутским шрифтом»¹³. В плане работ АМ на 1930—1931 гг. было записано: «Содержание подавляющего большинства тангутских рукописей и особенно фрагментов до сих пор еще не установлено, поэтому систематизация и составление каталога рукописей непосредственно связаны и должны идти параллельно с их расшифровкой. В связи с этим в пятилетний план включаются работы по составлению на основе имеющихся в АН материалов возможно полного тангутско-русского словаря»¹⁴. Выполнение этих двух заданий и было поручено Н. А. Невскому, который еще в Японии начал составление словаря тангутских иероглифов.

Многое из того, что было сделано Невским по тангутоведению и составило золотой фонд русской науки, было исполнено за короткий семилетний срок, полный напряженного в буквальном смысле этого слова, самоотверженного труда. Невский записал в инвентарь 955 единиц, в их число вошли почти все наиболее ценные памятники коллекции, и каждая запись — это маленькое исследование. У Невского составление каталога рукописей и ксилографов было непосредственно связано с «их расшифровкой», как это было записано в плане. Более того, одновременно это была и работа по расшифровке значений тысяч тангутских письменных знаков и составлению словаря.

Невского интересовало все, что касалось тангутской проблемы. В 1935 г. он составил первый обзор коллекции — «Тангутская письменность и ее фонды»¹⁵ — и сделал доклад о нем на сессии АН СССР. В ответ на это Группа востоковедения АН СССР вынесла следующее решение:

¹² ЛО ААН, ф. 2, оп. 1 (1929), № 15, л. 16.

¹³ ЛО ААН, ф. 820, оп. 2, № 153, л. 10. По этому докладу ООН АН СССР 25 мая 1930 г. постановило: доклад принять к сведению и поручить Группе востоковедения проработать все практические выводы, которые могут быть из этого сделаны, чтобы к следующей сессии практические предложения по поднятому вопросу внести на заседание ООН (там же, ф. 2, оп. 1 (1930), № 138а).

¹⁴ Там же, № 148.

¹⁵ В кн.: Н. А. Невский, Тангутская филология, I, стр. 74—94.

«1. Ввиду исключительной важности для изучения истории Средней Азии всего вновь открываемого Н. А. Невским материала ходатайствовать перед Президиумом АН о внеочередном опубликовании его статей по тангутоведению.

2. Считать целесообразным полное переключение Н. А. Невского на изучение Тангутского фонда ИВ»¹⁶.

Только непосредственное знакомство с архивом Невского может наглядно показать, какую огромную по объему работу проделал за эти годы один человек. И это с полуизученным письмом, когда для того, чтобы сделать каждый новый шаг вперед, нужно прежде вырубить ступень в скале непознанно. Поэтому Невского интересует все: составление словаря, без которого не поступишься к фонду; проблема характера тангутского письма — и он начал работать над этой темой; проблема реконструкции звучания тангутского языка — и он тоже очень основательно стал изучать ее, о чем свидетельствуют его частные реконструкции, сделанные на уровне науки тех лет¹⁷; его архив изобилует выписками из памятников тангутской письменности, попытками их переводов, лишь немногие образцы из которых опубликованы.

Имя Н. А. Невского теснее, чем имя любого другого исследователя тангутской письменности, связано с ее «дешифровкой». Мы взяли это слово в кавычки потому, что, строго говоря, дешифровки тангутского письма в обычном понимании этого слова не было. Работа Г. Девериа с Лянчжоуской стелой и С. Бушеля с монетами дали слишком малые результаты, чтобы говорить о дешифровке неизвестного письма и языка. М. Морис, который сопоставлял китайский и тангутский тексты Лотосовой сутры, опознал последнюю по пометкам какого-то неизвестного лица и гравюре, и его работа больше, чем чья-либо другая, была работой дешифровщика, но полученные результаты были невелики. В дальнейшем проблема дешифровки тангутского письма была снята находкой тангутско-китайского словаря «Жемчужина в руке». Вся последующая задача состояла отныне в определении при помощи материалов данного словаря и прочих уже известных знаков текста памятника, отыскании китайского или тибетского оригинала, с которого был сделан перевод на тангутский язык, и пополнении количества известных знаков путем последовательного сличения текстов. Это не было дешифровкой неизвестного письма в строго научном смысле слова, но это была тяжелая и совершенно необходимая работа, которая полностью не завершена, ибо до сих пор в тангутских текстах мы наталкиваемся на неиз-

¹⁶ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1935), № 21.

¹⁷ См. ст. «О наименовании тангутского государства», — Н. А. Невский, Тангутская филология, I, стр. 33—51.

вестные знаки. Н. А. Невский был тем исследователем, который один проделал подавляющую часть такой работы. Благодаря его многолетнему кропотливому труду мировая наука получила словарь — базу для дальнейших исследований.

В 1960 г. был издан словарь, работу над которым ученый так и не успел завершить. Присуждение в 1962 г. (посмертно) Н. А. Невскому Ленинской премии было признанием его выдающихся заслуг перед отечественной наукой. Газета «Правда» от 3 апреля 1962 г. (статья акад. Н. И. Конрада и канд. филол. наук В. В. Иванова) так оценила научное наследие покойного ученого в области тангутоведения: «Эта сложная работа была по силам только исследователю, знавшему китайский и тибетский языки, с которых сделаны тангутские переводы, и не в их современном состоянии, а в том состоянии, в каком они находились 8—10 веков назад. Кроме того, надо было знать буддийскую и китайскую литературу самого различного содержания настолько хорошо, чтобы по одному расшифрованному куску тангутского текста понять, с какого именно сочинения сделан перевод. Словом, необходимо было в совершенстве владеть всем комплексом филологических знаний. Именно потому, что Н. А. Невский обладал всеми этими знаниями, он смог проделать работу, ставящую его в один ряд с великими открывателями древних письменностей».

После Невского постепенный разбор Тангутского фонда до войны и после войны вплоть до переезда в Москву вел А. А. Драгунов.

Когда же Драгунов покинул Ленинград, его работу продолжала сотрудник Сектора восточных рукописей ИВ З. И. Горбачева. Горбачева многое сделала для того, чтобы вновь привлечь внимание научной общественности и к Тангутскому фонду и к научному наследию Н. А. Невского. В 1954 г. она опубликовала информацию о Тангутском фонде и в этой статье, в частности, отмечала: «К сожалению, за последние годы систематической работы над коллекцией не велось. Необходимо возобновить ее, продолжить дешифровку тангутских иероглифов с целью пополнения тангутского русского словаря. Это даст возможность ввести в научный оборот уникальную небуддийскую часть коллекции, не имеющую себе равной ни в одной из других коллекций за рубежом»¹⁸.

Горбачева первая познакомила читателя с материалами архива Н. А. Невского¹⁹ и отметила его выдающиеся за-

¹⁸ З. И. Горбачева, Тангутские рукописи и ксилографы Института востоковедения Академии наук СССР, — УЗИВАН, т. IX, 1954, стр. 88.

¹⁹ З. И. Горбачева, Материалы по тангутоведению Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Архив Н. А. Невского), — КСИВАН, вып. XVIII, 1956, стр. 66—73.

слуги в области тангутоведения²⁰. Отечественная и мировая востоковедная наука должна быть признательна З. И. Горбачевой за нелегкий труд по подготовке к печати словаря и ряда работ Н. А. Невского в двух книгах «Тангутская филология». Издание этих трудов, бесспорно, открыло новый этап в развитии тангутоведения. Они дали толчок и научную базу для развития тангутоведческих исследований в Японии и Европе.

Начиная с 1959 г. была возобновлена работа над Тангутским фондом ИВ. В 1963 г. ее результаты были опубликованы в первом списке определенных тангутских рукописей и ксилографов²¹. Ныне коллекция, насчитывающая более 8 тыс. единиц хранения, заинвентаризирована, а с 1967 г. началась ее перешифровка и подготовка к выпуску описаний той части, которая в предыдущем каталоге дана только списком.

Одновременно в полном соответствии с программой, которую намечал Н. А. Невский, ведется работа по изданию и исследованию наиболее интересных памятников коллекции. Это необходимое условие для выяснения характера самобытной тангутской культуры и ее роли среди средневековых культур Центральной Азии. Выпущены в свет издание сохранившихся фрагментов китайских классических книг в тангутском переводе²², тангутские словари «Море письмен» и «Море письмен, смешанные категории» — факсимиле текстов, перевод, вводные статьи и указатели К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского²³. Готовятся к изданию тангутский перевод древнекитайского военного трактата «Сунь цзы» (К. Б. Кепинг) и сборник тангутских изречений «Вновь собранные драгоценные парные изречения» (Е. И. Кычанов).

Кроме того, за последние годы подготовлен и сдан в печать «Очерк истории тангутского государства» (Е. И. Кычанов), тангутоведы ЛО ИВ оказали помощь М. В. Софронову (ИВ, Москва) в подготовке им «Грамматики тангутского языка». Реконструкция тангутского произношения²⁴ была выполнена М. В. Софроновым параллельно с Нисида Тацуо (Япония)²⁵. Работа М. В. Софронова и Нисида Тацуо — новый шаг в развитии тангутоведения, хотя обе они будут

---

²⁰ З. И. Горбачева, К истории тангутоведения в Ленинграде, — УЗИВАН, т. XXV, 1960, стр. 102—107.

²¹ «Тангутские рукописи и ксилографы», М., 1963.

²² «Китайская классика в тангутском переводе (Лунь юй, Мэн цзы, Сяо цзин)», М., 1966.

²³ М., 1969.

²⁴ Предварительные результаты были опубликованы в работе: М. В. Софронов и Е. И. Кычанов, Исследования по фонетике тангутского языка, М., 1963.

²⁵ Нисида Тацуо, Изучение языка Си Ся, т. I, Токио, 1964; т. II, 1966 (на яп. яз.).

нуждаться в больших уточнениях, а полный успех в реконструкции тангутского языка будет обеспечен в результате новых научных достижений в исследовании северо-западных диалектов китайского языка эпохи Сун и тибетского языка соответствующего периода. Только однозначная трактовка китайской и тибетской транскрипций сможет дать при учете всех внутренних тангутских источников однозначный результат в фонетической реконструкции тангутского языка. При этом не следует забывать, что продолжение исследований тангутской фонетики сможет оказаться полезным для восстановления истории китайского и тибетского языков.

Представляется, что дальнейшие тангутоведческие исследования в стенах ЛО ИВ должны и впредь основываться на прочтении, изучении и издании наиболее ценных памятников коллекции с одновременными уточнениями на базе вновь найденных материалов грамматики, системы письма, реконструкции фонетики языка, истории и литературы тангутов и истории тангутской культуры. На очередь непременно должно быть поставлено исследование тангутских сборников законов, ибо эта работа может дать чрезвычайно важные результаты для изучения не только социально-экономических основ тангутского общества, но и для прошлого соседних с тангутами народов.